

Да, господин Хань любит его, и он любит господина Хань! Их чувства взаимны!

Глядя на покрасневшее лицо Чжэнь Цюна, сердце Хань Мяо дрогнуло:

— Я люблю Цюна, так же как Цюн любит меня...

Его сладкие слова не успели закончиться, как Чжэнь Цюн вырвался из объятий и схватил его за рукав:

— Кровать в соседней комнате!

Хань Мяо:

— ...М-м?

Даже он на мгновение потерял рассудок и издал невнятный звук.

— Если чувства взаимны, то нужно быть ближе! — лицо Чжэнь Цюна покраснело от возбуждения, и кое-где он почувствовал такую же пульсацию, как в сердце. — Нет, подожди, в комнате нет глицерина...

Хань Мяо не позволил ему убежать, снова обнял и поднял на руки:

— Ничего, пока не понадобится...

Еще один поцелуй прервал его бессвязные слова.

Дверь распахнулась от удара ногой и, потеряв опору, мягко закрылась.

...

Весь в поту, с онемевшими пальцами, Чжэнь Цюн лежал на кровати, чувствуя, что тело больше не принадлежит ему. Не было сил, но он чувствовал себя легко и свободно, словно мог взлететь от одного дуновения. Господин Хань был прав, глицерин не понадобился. Но, но это было лучше, чем говорили наставники...

Рука поддержала его спину, и прохладный напиток коснулся губ. Чжэнь Цюн с жадностью сделал несколько глотков, и жар в горле немного утих.

— Цюн, ты в порядке? — с улыбкой на лице Хань Мяо мягко спросил, глядя на лежащего в полном удовлетворении парня.

Чжэнь Цюн энергично кивнул. Взаимная любовь — это прекрасно! Очень прекрасно!

Хорошо, это правильно. Хань Мяо улыбался, выглядя совершенно безобидно. Не заходя слишком далеко, все было хорошо. Хотя Цюн был пылок и нетерпелив, он был совершенно неопытен. Наслаждаться постепенно, учить шаг за шагом — вот правильный путь.

Но хотя «есть» можно медленно, вопросы задавать нужно. Поднеся чашку и дождавшись, пока Чжэнь Цюн сделает еще несколько глотков, Хань Мяо вдруг спросил:

— Кто говорил тебе, что нужен глицерин?

— Наставники, — ответил Чжэнь Цюн, не замечая намерений Хань Мяо.

— Твои наставники даже об этом говорили? — брови Хань Мяо слегка приподнялись. — В городских сплетнях считается, что монахи в храмах увлекаются мужской любовью. Ведь даосы могут жениться, так что обсуждение женщин было бы более нормальным. Почему они учили этому Цюна?

— Они просто шутили, когда говорили об этом. Теперь я думаю, что, возможно, кто-то меня обманул, — проворчал Чжэнь Цюн. Какой глицерин? Его ведь даже не использовали! И задница не болит, и поясница не ноет. Наверное, наставники его обманули!

Видя сомнения Чжэнь Цюна, Хань Мяо мягко улыбнулся:

— То, что говорили твои наставники, не считается. Теперь я буду учить тебя, хорошо?

При мысли о том, чему его только что научил господин Хань, лицо Чжэнь Цюна снова покраснело:

— Все слушаю господина Ханя.

То, что узнаешь из книг, всегда поверхностно. Нужно учиться на практике... ээ, и с помощью рта.

Видя, как парень готов к новым «урокам», Хань Мяо улыбнулся и, подняв прядь волос, лежащую на подушке, нежно поцеловал ее:

— Теперь мы так близки, почему ты все еще называешь меня «господин Хань»? Обращайся ко мне по имени или зови «братом».

Он полулежал на кровати, лишь накинув халат, с широко распахнутым воротом, обнажая восхитительное тело. Чжэнь Цюн не мог оторвать глаз и, потеряв голову от созерцания, глупо произнес:

— Брат Мяо...

Прямое обращение по имени не было принято, но это слово задело самое сокровенное в сердце. Хань Мяо не удержался и снова наклонился, поцеловав слегка опухшие губы.

Они были так близко, что рука Чжэнь Цюна легла на крепкую грудь. Долго сдерживаемые мысли больше не могли оставаться в тайне, и он тихо прошептал:

— Я думал, брат Мяо не любит мое тело...

Его живот немного уменьшился, но по сравнению с господином Хань он был далек от идеала.

— Цюн, ты милый и пухленький, как я могу не любить? — Хань Мяо был удивлен. — Почему парень так думал? Разве он недостаточно хорошо показал свои чувства?

— Тогда почему ты раньше не подписал со мной контракт? — этот вопрос долго мучил Чжэнь Цюна, и он не мог не спросить. — Если бы они подписали контракт раньше, разве он не смог бы раньше насладиться этим прекрасным чувством?

Почему он все еще думает о контракте? Хань Мяо был еще более удивлен и слегка выпрямился:

— Цюн, ты так хочешь подписать контракт? Торговый договор основан на доверии. Ты что, не

веришь мне?

Неужели физическая близость заставила Цюна почувствовать себя неуверенно, и он хочет закрепить свои права документом? Разве он тот, кто нарушит обещание из-за близости?

— А? Разве это не купчая на человека? — Чжэнь Цюн был шокирован. — Что за торговый договор?!

Видя, как Чжэнь Цюн выглядит, словно его ударило молнией, Хань Мяо понял, что между ними произошло недопонимание. Вздохнув, он терпеливо спросил:

— Почему ты думал, что нужно подписать купчую на человека?

Даже при отсутствии здравого смысла, разве можно просто так подписывать купчую на себя? Хань Мяо должен был выяснить причину!

Чжэнь Цюн тоже был ошеломлен:

— Наставники говорили, что при содержании нужно подписывать купчая на человека.

Слово «содержание» было немного странным, но его значение было понятно. И снова это были «наставники». Хань Мяо не мог не рассмеяться. Что же они преподавали в той даосской обители, где жил Цюн?!

— Почему ты думал, что я хотел содержать тебя? — улыбка Хань Мяо незаметно изменилась.

Разве он не давал ему слишком большую долю прибыли? Но, видя опасную искру в глазах Хань Мяо, Чжэнь Цюн сглотнул и осторожно проглотил слова.

Хань Мяо не нуждался в его объяснениях. Просто вспомнив прошлые события, он рассмеялся:

— Неужели ты думал, что я дал тебе слишком много денег с каким-то умыслом?

Ради рецепта сахара он действительно дал огромную долю прибыли. Но это было потому, что Чжэнь Цюн был благодетелем семьи Хань, и у него было много странных идей, которые Хань Мяо хотел использовать, предложив щедрое вознаграждение. Конечно, позже эта идея исчезла. Будь то доплата в восемьсот лян или ежемесячное жалованье в сто гуань, или даже помощь Чжэнь Цюну в «накоплении» денег с процентами — все это было сделано из-за его любви к этому парню и желания сделать его счастливым. Он не ожидал, что с самого начала его полностью неправильно поняли.

Но это было не самое главное. Хань Мяо слегка прищурился:

— Если бы кто-то другой предложил тебе такие «щедрые» условия, ты бы тоже отдался ему?

— Конечно нет! — Чжэнь Цюн, даже будучи простоватым, поспешил оправдаться. — Никто не может сравниться с братом Мяо в молодости и красоте!

Значит, ты смотришь не только на деньги, но и на внешность. Хань Мяо поднял руку и нежно ущипнул подбородок Чжэнь Цюна:

— А теперь ты хочешь подписать купчая на человека? Закрепить наши отношения документально?

— Купчая на человека не подписывается на такой срок... — Чжэнь Цюн хотел добавить что-то еще, но его снова прижали к кровати.

— Подписать на три-пять лет, а потом, когда я состарюсь и потеряю красоту, просто уйти? — голос Хань Мяо был медленным, а действия неторопливыми, он расстегнул полурасстегнутую одежду.

Конечно, нет! Просто через три-пять лет, возможно, будут результаты, кто будет подписывать долгосрочный контракт?.. Но эти слова Чжэнь Цюн уже не смог произнести. Вскоре в комнате раздались лишь тихие стоны.

На следующий день Чжэнь Цюн с трудом добрался до бокового двора. Поясница болела, ноги были слабыми, а внутренняя поверхность бедер стерта до боли. Теперь он думал, что наставники были правы, глицерин все-таки стоит использовать. Все из-за господина Ханя, который не давал ему встать с кровати, и он так измучился.

Несмотря на трудности с ходьбой, Чжэнь Цюн упрямо стоял во дворе. Когда Ми Фу вошел в маленький дворик, он тотчас выпрямился и гордо заявил:

— Кто говорил, что я не осмелюсь поцеловать кого-нибудь? Вчера я поцеловал!

— А? — Ми Фу был ошарашен. — Этот парень, с таким высокомерным видом, хвастается этим? Но вчера он еще страдал от любовной тоски, а сегодня уже поцеловал кого-то?

Подозрительно посмотрев на Чжэнь Цюна, Ми Фу вдруг сказал:

— Неужели это была служанка из двора?

Этот парень обычно не выходил из дома и не ходил в таверны, на какую красавицу он мог положить глаз? В боковом дворе были только служанки и повариха, неужели он влюбился в повариху?

— Конечно, нет, — Чжэнь Цюн был на седьмом небе от счастья. — Господин Хань и я — мы взаимно влюблены!

Господин Хань ведь гораздо красивее служанки! И он такой нежный, и тело у него идеальное. Это настоящий повод для гордости!

<http://bllate.org/book/16827/1547457>